

МЕТАФОРА В КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ДИСКУРСА

© 2005 Л.В. Калашникова

Орловский государственный аграрный университет

В последнее время ведутся широкие исследования наивной языковой картины мира, то есть обобщенных представлений об устройстве окружающей действительности, содержащихся в сознании людей и отраженных в каждом языке. В частности, весьма интересными оказываются заложенные в языке наивные представления о внутреннем мире человека. Как пишет Ю. Д. Апресян, они “отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир” [1, 351].

Всякое восприятие предполагает акт категоризации. Категории, по Дж. Брунеру, – правила, по которым человек относит предмет к определенному классу [3]. В восприятии репрезентирована реальность, и это восприятие в большей или меньшей степени соответствует действительности. Индивид подходит к ситуации восприятия не как *tabula rasa*, а с определенными ожиданиями, предположениями относительно того, как взаимодействовать с воспринимаемым объектом, поэтому восприятие – не просто репрезентация, но построение “модели мира”. Всякий акт восприятия представляет собой попытку категоризовать объект.

Модель мира представляет собой определенным образом организованные знания о мире, свойственные когнитивной модели [2, 146]. С одной стороны, в модель мира входят общие знания о мире, которые можно считать “объективными”. Речь идет о простых пропозициях, специальных фактах или правилах продукций. С другой стороны, в модели мира присутствуют и знания другого типа, условно называемые “субъективными”. Это ценности и их иерархии, семантические конструкторы типа “норма”, “каузирование” и другие когнитивные структуры, обобщающие опыт индивида и социума [5].

Эти когнитивные структуры, или когнитивные категории, существуют на так называемом

базовом уровне категоризации. Понятие базового уровня категоризации в иерархии категорий относится к промежуточному между самым высоким (суперординатным) и нижним (субординатным) [12]. В своей каждодневной жизни человек руководствуется подвижными, гибкими и простыми естественными категориями, сформированными на “среднем” уровне абстракции. В концептах этого уровня обычно соединяются перцептуальные и функциональные характеристики объектов. Это объясняется тем, что “категоризация связана с членением внешнего и внутреннего мира человека в соответствии с сущностными характеристиками его функционирования и бытия” [6, 44].

Образование категорий связано с возникновением когнитивных концептов и их устойчивых объединений. Это стандартный путь переработки поступающей информации; примером могут служить концепты, которые формируются в процессе речевого общения. Среди прочих категорий базового уровня существуют специфические когнитивные категории, регулярно представленные в текстах, где планируется речевое воздействие.

Определенные структуры и механизмы мозга человека ответственны за создание виртуализированных картин реальности. Адаптивными механизмами воспринимаемой информации к информации, уже имеющейся в памяти, выступают функция логического мышления и функция понимания метафор, заложенные в головном мозге. Сама метафора – средство преобразования вербальных стимулов в образные. По мнению Дж. Лакоффа [9]; [10], в пределах наших концептуальных систем и нашего языка имеется бессознательная и вызываемая автоматически метафорическая концепция локуса (места) сознания, воли, суждения, которая отделима от тела и эмоций. Пространственный опыт влияет на концептуализацию внепространственных, в том числе абстрактных, объектов [7]; [11].

Действительно, нет одной уникальной метафорической модели. Каждая из моделей характеризуется наличием особенностей, которые делают их несовместимыми друг с другом, например, многочисленные метафорические модели любви и идей [11], или метафорических моделей гнева [8]. Разнообразие метафорических моделей позволяет говорить о разных аспектах нашего опыта. Они не истинны, но они полезны в различных ситуациях, для различных целей, характеризуют разные перспективы. Наши концепции определяются метафорическими моделями, и мы можем думать, располагая только теми концепциями, которые у нас есть. Исследование метафорических моделей открывает перспективу исследования разнообразных аспектов концептуальных моделей субъекта.

Нами выполнен анализ метафорических моделей, представленных в дискурсах произведений одного автора – И. А. Бунина (“Деревня”, “Антоновские яблоки”, “Суходол”).

Построенные понятия и модели – это метафоры, отражающие “реальную” природу вселенной и являющиеся исключительно человеческими творениями. Они есть продукт мысли, который *может* отражать реальность. Когнитивные модели есть следствие наблюдений реальности, но наши внутренние репрезентации перцептов могут исказить реальность.

Метафоры являются важным, но не единственным функциональным механизмом в психолингвистических моделях. Они держат читателя в рамках тех концептуальных схем, которыми руководствуется автор, и являются зеркалом, отражающим концептуальный мир субъекта. Восприятие и понимание, коммуникация в целом, возможны потому, что мы не создаем новые метафоры, а пользуемся теми, что получили в процессе познавательной деятельности.

Исследование концептуальной модели и ее концептосферы предпочтительнее в дискурсах произведений одного автора. Было выявлено 274 метафорические модели. Концептосфера дискурсов И. А. Бунина (“Антоновские яблоки”, “Деревня”, “Суходол”) представлена такими категориями метафор, как метафора “идиома” (69), метафора “люди” (92), метафора “быт” (64), метафора “природа” (49). Они связаны между собой. Каждая из таких категорий содержит подкатегории, характеризующие, например, устойчивости, отношения, настроение и т. д.

В категорию метафора “идиома” входят: метафора “темпоральность”, метафоры “пространство”, “примета”, “обычай”, “закономерности”, “мораль”.

1. *Как вода меж пальцев, скользят дни, опомниться не успел – пятьдесят стукнуло...* (И. А. Бунин).

2. *Но хуже всего было то, что, страшись своего существования, которое старило его не по дням, а по часам, он чувствовал, что оно все-таки приятно ему...* (И. А. Бунин).

3. – *Договоришься ты! Загонят тебя, куда ворон костей не тащала!* (И. А. Бунин).

Метафорическое употребление идиоматических выражений активизирует когнитивные структуры знаний, связанных с самобытными условиями жизни русской деревни, с традициями, культурой, приметами.

– Нам, брат, видно не до этого, – сказал Тихон Ильич. – **“Поживи-ка у деревни, похлебай-ка серых щей, поноси худых лаптей!”** (И. А. Бунин).

Идиоматические выражения аккомодируют темпоральное пространство, которое позволяет связать дискурсы анализируемых рассказов в единое целое. Особенностью этого типа метафор является репрезентация общих знаний о мире.

Метафоры, относящиеся к категориям метафора “люди” и метафора “быт”, определяют характерные, специфические признаки концепта: визуальный, тактильный, аудиальный. Они активизируют такие когнитивные структуры, которые содержат субъективный опыт.

В категорию метафора “люди” вошли метафоры “старость”, “прочность”.

К тому же наши выселки спокон веку, еще со времен дедушки, славились “богатством”. Старушки и старухи жили в выселках очень подолгу, – первый признак богатой деревни, – и были все высокие, большие и белые, как лунь (И. А. Бунин).

Под стать старикам были и дворы в Выселках: кирпичные, строенные еще дедами (И. А. Бунин).

Кроме того, такие метафоры сопровождаются глаголами ментальной активности.

Крепостного права я не знал и не видел но, помню, у тетки Анны Герасимовны чувствовал его. Въедешь во двор и сразу *ощутишь*, что тут оно вполне живо. Усадьба – небольшая, но вся старая, прочная, окруженная столетними березами и лозинами. **Надворных построек – невысоких, но домовитых – множество, и все они точно слиты из темных дубовых бревен под соломенными крышами** (И. А. Бунин).

Самой многочисленной является подгруппа метафора “характеристика”. Здесь можно выделить: метафора “люди, похожие на птиц”, метафора “домашние животные, дикие звери”, а также метафора “сказочные персонажи и другие люди”.

1. *А проходившая мимо старуха-мещанка, похожая лицом на старую львицу, остановилась, исподлобья поглядела на него и, подняв костьль, раздельно, зло сказала...* (И. А. Бунин).

2. *И вдруг у самого поворота в Суходол, увидели мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру в халате и шлыке, фигуру не то старика, не то старухи...*

А старуха, что-то крича, направилась к тарантасу и, подойдя, потянулась к нам бледным лицом. Со страхом глядя в черные безумные глаза, чувствуя прикосновение острого холодного носа и крепкий запах избы, поцеловались мы с подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга? Но высокий шлык из какой-то грязной тряпки торчал на голове Бабы-Яги... И кричала она так, точно мы были глухие, точно с целью затеять яростную брань. И по крику мы поняли: это тетя Тоня (И. А. Бунин).

Категория метафора “быт” представлена следующими метафорами: метафора “достаток”, метафора “ностальгия”, метафора “условия жизни” (бедность, невежество), метафора “вражда”, метафора “пространство” (открытое, закрытое), метафора “ограничение свободы”, метафора “смерть”.

1. *И прохладную тишину утра нарушает только сытое квохтанье дроздов на коралловых рябинах в чаще сада, голоса да гулкий стук ссыаемых в меры и кадушки яблоч (И. А. Бунин).*

2. Впереди — целый день покоя в безмолвной уже по-зимнему усадьбе. Не спеша оденешься, побродишь по саду, найдешь в мокрой листве случайно забытое холодное и мокрое яблоко, и почему-то оно покажется необыкновенно вкусным, совсем не таким, как другие (И. А. Бунин).

3. — И ржица радуется! Имейте в виду: всех радуется! Много-с — и то видать. Выйдешь, глянешь по месяцу в поле: сквозит-с, как лысина (И. А. Бунин).

4. Белобрысые тихие девочки, играющие возле завалинок в любимую игру — похороны кукол (И. А. Бунин).

5. — В Суходоле все ссорились?

— Борони бог! Дня не проходило без войны! Горячие все были — чистый порох! (И. А. Бунин).

Категория метафора “быт”, как и метафора “люди”, вызывает репрезентацию субъективных знаний.

Самой динамичной является категория метафора “природа”. В эту категорию вошли метафора “эмоции” (положительные и отрицательные), метафора “состояние”.

В темноте, в глубине сада — сказочная картина: точно в уголке ада, пылает около шалаша багровое пламя, окруженное мраком, и чьи-то черные, точно вырезанные из черного дерева, силуэты двигаются вокруг костра, меж тем как гигантские тени от них ходят по яблоням. То по всему дереву ляжет черная рука в несколько аршин, то четко нарисуются две ноги — два черных столба. И вдруг все это скользнет с яблони — и

тень упадет по всей аллее, от шалаша до самой калитки (И. А. Бунин).

Окна в сад подняты, и оттуда веет бодрой осенней прохладой... (И. А. Бунин).

Осуществляется репрезентация субъективного опыта.

Когда же ощупью добрался до бани, стоявший в ельнике дождь обрушился на землю с такой силой, что как в детстве, стали мелькать мысли о потопе (И. А. Бунин).

Глаголы, сопровождающие метафоры этого типа, обозначают действия, которые характерны для человека.

Из такой трепки сад выходил почти совсем обнаженным, усыпанным мокрыми листьями и каким-то притихшим, смирившимся. Но зато как красив он был, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! Сохранившаяся листва теперь будет висеть на деревьях до первых заморков. Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе и покорно ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске. А поля уже резко чернеют пашнями и ярко зеленеют закустившимися озимями... Пора на охоту! (И. А. Бунин).

Выявление таких категорий, как метафора “идиома”, метафора “люди”, метафора “быт”, метафора “природа” позволяет сделать вывод о том, что каждая из них создает малую виртуальную метафорическую модель, характеризующуюся наличием концепта, выражающего совокупность признаков как в пределах одного, так и нескольких дискурсов. Каждая метафорическая модель интерпретирована либо положительно, либо отрицательно.

Бури и ледяные ливни, дни, похожие на сумерки, грязь в усадьбе, усеянная мелкой желтой листвой акаций, необозримые пашни и озими вокруг Дурновки и без конца идущие над ними тучи, опять томили ненавистью к этой проклятой стране (И. А. Бунин).

Метафоры отражают доминирующие модальности восприятия, такие как визуальная, тактильная (обонятельная) и аудиальная. Например, для определения визуального признака И. А. Бунин обращается к концепту звезд. Звезды всегда притягивали внимание мечтателей, писателей, музыкантов, философов:

А черное небо чертят огнистыми полосками падающие звезды. Долго глядишь в его темно-синюю глубину, переполненную созвездиями, пока не поплывет земля под ногами. Тогда встрепенешься и, пряча руки в рукава, быстро побежишь по аллее к дому. Как холодно, росисто, и как хорошо жить на свете! (И. А. Бунин).

О преобладании визуальной модальности восприятия свидетельствуют метафоры: бури и

ледяные ливни, дни, похожие на сумерки; огненные змеи молний; бриллиантовое семизвездие Стожар, жидкое небо. Динамичность визуализации достигается за счет использования глаголов *убегать, скользить, мелькать*, при описании статических объектов (дороги, поля, пашни):

А в ясную даль **убегают** четко видные телеграфные столбы, и проволоки их, как серебряные струны, **скользят** по склону ясного неба. На них сидят кобчики, — совсем черные значки на нотной бумаге (И. А. Бунин).

И когда Тихону Ильичу было не по себе, он выходил на шоссе. Белой лентой, с перевала на перевал, убегаю оно к югу (И. А. Бунин).

Бледное, металлически-зеленое поле овсов мелькнуло за пустошью на чернильном фоне (И. А. Бунин).

глаголы света: *блестеть, поблескивать*:

Оловом поблескивают залитые дождем дороги (И. А. Бунин).

Пашни в поле блестели под солнцем шелковистыми сетями паутины, затянувшей их на неозримое пространство (И. А. Бунин).

глаголы завершения действия: *тонуть, меркнуть*:

Раз поздно вечером, выехал Кузьма к Тихону Ильичу, поднялся на изволок и обмер от страха: под **потонувшими во мраке пашнями**, на чуть тлеющей полосе заката росло и плавно несло на Кузьму что-то черное, громадное... (И. А. Бунин).

Чей-то белый в коричневых пятнах теленок **тонул среди овсов** (И. А. Бунин).

Деревня описывается в разные времена года, к визуальному признаку добавляется тактильный (холод; жара):

На рассвете, в синеватой темноте, когда зажигались по избам огоньки, затапливались печи, и сквозь застрехи медленно шел **густой дым**, а во флигеле с замерзшими серыми окнами становилось холодно, как в сенцах (И. А. Бунин).

В прихожей несло морозом от соломы, плавал, как битое стекло, лед в рукомылке (И. А. Бунин).

Порой Кузьма ходил завтракать к Кошелю в людскую — горячими, как огонь, картошками или вчерашними кислыми щами (И. А. Бунин).

Метафора *горячими, как огонь, картошками* активизирует когнитивную схему огня, которая в свою очередь активизирует схему с противоположным признаком: *холод-огонь*. В данном случае признаком, вызывающим репрезентацию, является тактильный. У разных концептов могут быть одинаковые или сходные признаки, по которым возможна активация схемы:

Чуть только начинало меркнуть песчано-желтое море зреющих хлебов под заходящей из-

за усадьбы тучей... кидались бабы выносить на порог темные дощечки икон... (Бунин, 1981, ч. IX, с. 162).

...А за гумнами, за голым лозняком на задворках, расстилалось под низким белесым небом серое снежное поле, пустыня волнообразного наста (Бунин, 1981, ч. II, с. 102).

Насколько известно, море не может быть песчано-желтым. Песок, в большинстве случаев, ассоциируется с пустыней, жарой. Пустыня и снег — несовместимые вещи. Это верно, если рассуждать логически. Давайте представим картину безбрежного моря, по которому бегут или вздымаются волны. А теперь перенесемся мысленно в знойную пустыню, где от ветра вырастают барханы — песчаные волны. Оказывается, есть признаки, которые характерны, как казалось, для совершенно разных концептов. Метафоры *песчано-желтое море зреющих хлебов* и *серое снежное поле, пустыня волнообразного наста* употребляются по отношению к одному и тому же объекту — полю, но в разные периоды времени.

И, не согревшись, Кузьма поехал по **белым крепким волнам полей** к Тихону Ильичу. Заиндевелый бело-кудрявый мерин бежал шибко, екая селезенкой, кидая из ноздрей столбы серого пара... (И. А. Бунин).

С помощью цитирования, как одной из разновидностей метафоризации, привлекаются дополнительные смыслы, закладываются рефлексивно-психологические основы восприятия дискурса.

“Русь, Русь! Куда мчишься ты?” — пришло ему в голову восклицание Гоголя. — **“Русь, Русь! Ах, пустоболты, пропасти на вас нету!”** (И. А. Бунин).

Исследование метафор и метафорических выражений, используемых И. А. Буниным, показало, что некоторые из них повторяются в структурах анализируемых дискурсов.

В качестве одной из связующих нитей дискурсов можно рассматривать метафору “поезд”. В рассказе “Антоновские яблоки”:

Вон, кажись, **пассажирский поезд** идет...

Долго прислушиваемся и различаем **дрожь в земле. Дрожь переходит в шум, растет**, и вот, как будто уже за самым садом, ускоренно выбивают шумный такт колеса: громокая, стуча, несется **поезд**... ближе, ближе, все громче и сердитее... И вдруг начинает стихать, гложуть, точно уходя в землю... (И. А. Бунин).

А в ясную даль **убегают** четко видные телеграфные столбы, и проволоки их, как серебряные струны, **скользят** по склону ясного неба. На них сидят кобчики, — совсем черные значки на нотной бумаге (И. А. Бунин).

В рассказе “Деревня”:

На станции ждали **почтового поезда** в Москву, **оттуда пахло самоваром**, и это будило тоскливое желание уюта, тепла, чистой комнаты, семьи (И. А. Бунин).

Мысленно он взглянул с крыльца своего дома на Дурновку. За полями влево, на горизонте, — **железнодорожная будка**. В сумерки мимо нее проходит **поезд — бежит цепь огненных глаз**. А потом загораются **глаза** по избам (И. А. Бунин).

Вдали глухо, точно из-под земли, слышался все возрастающий грохот. И вдруг, точно из-под земли вырвался наружу и загудел окрест: бело блистая цепью окон, освещенных электричеством, разметав, как летящая ведьма, дымные косы, алгозаренные из-под низу, неся вдали, пересекая шоссе, юго-восточный экспресс (И. А. Бунин).

Вагоны, раскачиваясь, грохотали среди шума дождя, навстречу, опускаясь и поднимаясь, плыли проволоки телеграфа, по бокам бежали густые свежее-зеленые опушки орешника (И. А. Бунин).

Приведенные выше примеры взяты из разных фрагментов дискурсов. Вместе они образуют кореферентную цепочку, формирующую концепт поезда. Анализ кореферентных выражений и сопровождающих их глаголов показал, что при формировании концепта поезда доминируют визуальные, тактильные и аудиальные признаки. Для И. А. Бунина концепт поезда имеет особое значение. Поезд — это переходная грань между старой и новой жизнью, между деревней (захолустьем, каковым являлась Дурновка в рассказе “Деревня”) и городом. Запах самовара, которым тянуло со станции, будил тоскливое желание уюта, тепла, чистой комнаты, семьи. Ощущается ностальгия по старой жизни. Возникает несколько параллельных плоскостей дискурса: запах яблок, запах самовара со станции, запах старых книг. Поезд сравнивается с цепью огней, далее — с летящей ведьмой. Поезд “оживает”. Ведь если рассуждать с когнитивной точки зрения, то встреча с ведьмой сулит новое, загадочное, и даже мистическое, страшное.

В произведении И. А. Бунина когнитивные структуры объединяются на основе тактильного, визуального и аудиального кодов восприятия: запах самовара и летящая ведьма. Метафора и в одном и в другом дискурсе объединяет план прошлого и настоящего. Герои (да и автор) ощущают тоску по прошлому. Ощущение динамичности темпоральных планов возникает за счет употребления глаголов: *убегают, скользят, пахло, бежит, слышался все возрастающий грохот, вырвался, загудел, разметав, неся; раскачиваясь, грохотали, опускаясь и поднимаясь, плыли.*

Выявленные метафорические модели благодаря установлению концептуальных связей, объе-

диняют дискурсы трех рассказов в единое целое и в своей совокупности представляют концептосферу метафорической модели мира автора.

Таким образом, исследование концептуальной модели в дискурсах одного автора дало основания полагать, что существующая надындивидуальная общедоступная сфера “ментального” может служить “посредником”, позволяющим говорить и о “личном”, “индивидуальном” содержании сферы субъективного, через сопоставление его с “общедоступным”.

Сфера субъективного состоит не только из образов внешнего мира, но также из представлений, воспоминаний, смыслов, интеллектуальных и волевых актов, эмоций. Ясно, что все это весьма трудно отождествить с внешними объектами — как они существуют “сами по себе”. Субъективный опыт содержит и общедоступные знания, ставшие достоянием самого субъекта. Наличие общедоступных знаний позволяет индивидам понимать друг друга. Именно метафоры позволяют найти канал связи со структурами знаний. Метафора “идиома” вызывает репрезентацию структур, несущих в себе знания об окружающей действительности, то есть объективные знания. Метафоры, относящиеся к категориям “люди” и “природа”, репрезентируют субъективный опыт и знания. Получается, с одной стороны мир отождествляется с нашим сознанием, а с другой стороны сознание с миром. Дискурс представляет собой многоуровневую и многомерную систему, на которую налагается сеть метафор. С когнитивной точки зрения метафоры формируют концептосферу модели мира, которая строится на очень мощной, многоуровневой системе репрезентаций или когнитивных структур, осуществляющих базовые операции восприятия, обмена, актуализации, репрезентации, т. е. всего комплекса человеческого мироощущения.

Исследование концептуальной картины мира, представленной в дискурсах языковыми средствами, подтверждает, что процесс концептуализации действительности на современном этапе сопровождается стремлением личности к характеристике и оценке явлений окружающего мира. “...Люди не просто лгут, — они интерпретируют социальную действительность” [4]. Все вышеуказанное является попыткой показать сложность и неоднозначность взаимоотношений между концептуальной и языковой картинами мира при метафорическом осмыслении действительности. Более того, полученные результаты имеют практическое значение: исследование и познание метафорической системы приведет к способности узнавания метафорических моделей для распознавания когнитивных ситуаций, в которых они полезны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография. “Языки русской культуры”. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М.: Школа, 1995. – Т. 2.
2. Баранов А. Н. К построению словаря терминов когнитивной науки. / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Когнитивные исследования за рубежом: Методы искусственного интеллекта. – М.: 1990. – С.139-149.
3. Брунер Дж. Психология познания / Дж Брунер. – М.: 1977.
4. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
5. **Иссерс О. С.** Речевое воздействие в аспекте когнитивных категорий / **О. С. Иссерс** // Вестник Омского университета. – 1999. – Вып. 1. – С. 74-79.
6. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996. – С. 44.
7. Black, M., Metaphor. Models and Metaphor. Studies in language and Philosophy / M. Black. – Ithaca–London: Cornell University Press, 1962. – p. 25-47.
8. Lakoff, G., Women, fire and dangerous things. What the categories reveal about mind / G. Lakoff. – Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
9. Lakoff, G., The Conceptual Self in Context / G. Lakoff // A Conference of the Mellon Colloquium on the Self at the Emory Cognition Project Emory University Atlanta. – 1992. – Georgia May 1-2.
10. Lakoff, A., and Becker M., “Me, Myself, and I” / A. Lakoff and M. Becker. – Fall, 1991.
11. Lakoff, G., Johnson M. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago Press, 1980. – 231 p.
12. Rosh, E. H. Human categorization / E. H. Rosh // Advances in cross-cultural psychology. – L., 1975.